

«Большой
Проигрыватель»
и «Алая Мария»
представляют

РЫЖАЯ ОБЛОЖКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вадим Громов
Антон Александров
Мария Синенко
Сергей Королев
Яна Полякова
Александр Сордо
Дядя Богдан
Зинаида Никитина
Олеся Бондарук
Евгений Долматович
Иван Миронов
Михаил Гоминин
Александр Сордо
Мария Синенко
Рыжая обложка

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70120168
SelfPub; 2023*

Аннотация

Их держали взаперти. В полутьме, которую разгоняла лишь голая лампочка. Среди стен, хранящих боль и ужас, кровавые отпечатки ладоней и кусочки мозга. Выход из закрытого чата был один – победить. Стать жестче, кровавей и безумней остальных. Тех, у кого получилось, вы можете увидеть в этой книге. «Рыжая обложка» сохраняет тот самый вайб. Вы же помните? Истории, которые сносят крышу. В этой книге собраны рассказы с двух конкурсов сплаттерпанка, а также несколько других, не менее кровавых историй. Уберите от экранов детей и домашних животных! Мы начинаем.

Содержание

Александр Сордо – «Рыжая обложка. Неконтролируемый стресс. Предисловие»	6
Вадим Громов – «Дьявол любит вставлять сзади»	16
Олеся Бондарук – «Комиссия»	37
Дядя Богдан – «Passion absolue»	48
Мария Синенко – «Монстр»	60
Антон Александров – «Ритуал»	75
Конец ознакомительного фрагмента.	83

**Мария Синенко, Вадим
Громов, Александр
Сордо, Олеся Бондарук,
Дядя Богдан, Антон
Александров, Яна
Полякова, Сергей Королев,
Евгений Долматович,
Иван Миронов,
Зинаида Никитина,
Михаил Гоминин
Рыжая обложка**

**Александр Сордо – «Рыжая
обложка. Неконтролируемый
стресс. Предисловие»**

мальных ужасах. Поговорим о таких экстремальных ужасах, в которых и ужасов толком нет – только мерзости. Поговорим о расчленениях, совокуплениях и отправлениях. Поговорим о чернухе, бытовухе и кротовухе. О стишках-садюшках. О гормоне кортизоле.

А впрочем, не будем забегать вперед. Поставим четкий вопрос: зачем? Зачем люди читают эту дрянь?

Знаете, человеку полезно испытывать стресс в ограниченных количествах и в контролируемых условиях. Спорт, закаливание, умственная активность – все это требуется организму для поддержания себя в тонусе. Любая тренировка – стресс для мышц. Холодный душ – стресс для механизмов терморегуляции. Но этот контролируемый стресс работает на пользу организму, укрепляя его.

Точно так же и с психикой. Она укрепляется и тренируется, когда мы пытаемся испугаться. Когда щекочем себе нервы, смотря или читая очередной ужастик. Мы держим себя в тонусе и формируем новые нейронные связи. Испытывать страх – полезно для мозга.

Постоянно сидя в душном помещении и купаясь в теплой ванне, мы расшатаем себе терморегуляцию, и при ближайшем же морозе наш переохладившийся организм станет легкой мишенью для любой болячки. Выросшие в тепличных условиях дети постоянно болеют – это факт. А вот те, кто жрут с пола мороженое, заедают пиво жареными тараканами и выкусывают блох у собак – здоровы как быки.

Об идее закаливания психики, кстати, писал еще Шопенгауэр – умный мужик был, хоть и нудный на редкость. Но вернемся к делу.

Вообще, человеку полезно испытывать разные эмоции. Отрицательные – в том числе. Как минимум, чтобы на контрасте с ними положительные ощущались ярче. Вот поэтому нам полезно иногда прочесть страшилку и испугаться. Иногда полезно испытывать грусть и плакать над «Титаником». Иногда полезно даже чувствовать отвращение, смотря «Зеленый слоник» или «Горько!»

Бытует широко распространенное мнение, что ужасы должны вызывать страх, а не отвращение. Дескать, это же совершенно разные виды спорта. Я не совсем с этим мнением согласен. Ибо и страх, и отвращение – вещи из одного ряда. Их объединяет тот же самый контролируемый негатив, который стимулирует наши мозги и заставляет на контрасте с ним чувствовать ярче позитивные эмоции. К слову, именно так и работает черный юмор.

Кстати о черном юморе. Говорят, есть корреляция между повышенным интеллектом и любовью к черному юмору. Не знаю, так ли это. Ей-богу, вроде бы школу с золотой медалью окончил, два красных диплома имею, изучаю биоинженерию и биомедицину, расчлняя в подвале бомжей, но однозначного ответа так и не нашел. Так что врать не буду – может быть, вовсе никакой здесь связи и нет.

Если все же поговорить всерьез об экстремальных ужа-

сах с кровищей, расчлененкой и чернухой... Можно только удивиться, насколько широко, оказывается, распространён этот жанр, и не только в виде «низкого» искусства – к такому многие относят те десятки культовых фильмов ужасов конца прошлого века. На минуточку, сколько там было про маньяков и резню?! Да один «Восставший из Ада» чего стоит! А миллионы людей восторгаются до сих пор. А как же старая-добрая «Пила»?

Да ладно ужасы. Есть же еще треш. Кровавая вакханалия, вызывающая больше смеха, чем страха – не видели ли мы чего-нибудь такого на экранах кинотеатров? «Ах, подержите мое виски!» – скажет вам очаровательная Сальма Хайек из незабываемого «От заката до рассвета».

Есть фильмы Ларса фон Триера, в конце концов! Высокий символизм, метакомментарии, постмодерн, драма, посыл и эстетика – все то, что ценят высоколбые кинолюбители на всяких там каннских фестивалях – это у него есть. А еще есть секс, насилие, расчлененка, гротескный треш и полное отсутствие моральных горизонтов.

А если говорить сугубо о контркультуре и чернухе, без упора на «экстремальность», то давайте вспомним «наше все» т-ща Балабанова и его бесподобный «Груз 200»!..

Но хватит об этом. Я не кинокритик, а литератор. И вы таки знаете, как много может дать литературе черная чернота экстремальных жанров? Если не знаете, я таки расскажу.

Проклятье, так нервничаю, пока пишу это предисловие,

все ногти уже сгрыз. Извините за опечатки, просто под бурой корочкой не видно буквы на клавишах, но ничего, корректор потом поправит.

Двигатель читательского интереса в литературе – конфликт. Чтобы читатель переживал за персонажа, тот должен попасть в хорошую передрагу. Хоррор делает острее и темнее любой конфликт – мы сильнее переживаем за то, что случится с героем, окруженным всякой смертоносной пакостью. А экстремальный хоррор? Ну конечно же! Невозможно не переживать за персонажа, которому грозит не простой вампир или призрак, а поехавший маньяк-расчленитель, насильник и некро-педо-зоофил.

Другая притягательная сторона экстремальных жанров – абсурд. Иногда краски можно сгустить настолько сильно, что вовсе ничего не останется. Только черно-буро-бордовое месиво сочащейся с экрана слизи. Это и есть абсурд. Это и есть тот треш, угар и чернуха, которые делают смешными, а не страшными стишки-сдюшки вроде:

*«Маленький мальчик варил холодец,
По полу ползал безногий отец»*

...К слову, об абсурде и треше.

Я имею сказать пару слов о рассказах в этой антологии. Почти все они были собраны с двух конкурсов сплаттерпанка, проходивших за закрытыми дверями в интернете. Один

проходил в литературном сообществе «Большой Проигрыватель», другой – в личной группе моей коллеги-составительницы Марии «Алой» Синенко. Авторы состязались друг с другом в изощренности пыток, количестве пролитой крови, густоте грязи и черноте фантазии. Авторы пытались перещеголять друг друга и выяснить, кто достоин быть главным ингредиентом этого фарша из трупов.

Ха-ха, а вот еще вспомнил:

*«Два пионера на грязной фанерке
Делали вилкой аборт пионерке...»*

Это был своего рода спорт. Как олимпийские спринтеры выкладываются изо всех сил, чтобы показать лучшее время, так и наши авторы свинчивали все предохранители с мозгов, чтобы явить миру самое грязное, кровавое и убойное чтение, которое они способны породить. И только по завершении этих двух конкурсов мы с Машей выпустили выживших авторов из подвала, дали им поесть и помыться, а рассказы отобрали в эту антологию.

*«...рядом стоял виноватый вожатый,
бьющийся плод он прикончил лопатой».*

А еще экстремальное чтение позволяет разрядиться, сбросить напряжение.

Вообразите себе: один человек работает-работает, работает-работает, а потом говорит: «бля, мужики, я так больше не могу», после чего работает-работает, работает-работает. Потом он покупает себе бутылку водки и ножовку, подбирает на улице бродягу, заводит его на заброшенный завод через дорогу от дома и устраивает анатомический театр, развешивая кишки по карнизам, а потом возвращается домой и, меланхолично попивая водку, пишет дальше свое предисловие к сборнику чернухи от Большого Проигрывателя.

Да, а еще – это контраст. Жизнь тяжела и тосклива? Ну что ж, если окунуться в этот кровавый бассейн, то можно узнать, насколько страшной и жестокой бывает жизнь; ведь не все работы этого сборника – треш и чернуха. Экстремальный хоррор умеет поднимать серьезные вопросы – и некоторые из этих рассказов могут вызвать у читателя натуральный ужас. И когда отрываешься от этих историй и возвращаешься к жизни, у нее появляется какой-то новый вкус. Яркий. Сладкий. Становится гораздо легче справляться с трудностями и любить эту жизнь, какой бы она ни была.

Да-да, прямо как в фильме «Пила», только еще и не придется себе ничего отрезать. Ну, кроме, разве что, предрасудков.

Хотя был у меня один читатель, ему не понравились мои рассказы. Сказал, что не любит чернуху ради чернухи. Вот ему пришлось кое-что отрезать, теперь он вообще ничего любить не сможет. Точнее, никого. Да и сказать тоже ничего

не сможет, хехеъехе

Так, Саня, спокойно, спокойно. Успокойся, съешь еще этой мягкой тушеной печени да выпей чудного кьянти.

Понимаете, пугаться – это хорошо. Да. Очень. И отвращение, да... Гм, контролируемые стресс, это я уже писал... А, да! Если не выкручивать абсурд на максимум, то знаете, какой ход может зацепить читателя по-настоящему? История по соседству. То, что может произойти с любым. Даже с вами. Вот прямо завтра.

Это пугает.

Каждый второй на улице может оказаться психом. Вообразите, мне вчера какой-то чокнутый на автобусной остановке сказал, что я неправильную шапку ношу, надо из фольги. Я, конечно, рассмеялся и затушил окурок об его глаз. Нормальная у меня шапка, из скальпа прошлого такого же придурка. Долбанутые конспирологи, блин. Ну ничего, теперь у меня две шапки: одна рыжая, другая лысая.

А, ну да, точно. Антология. Чернуха. Сплаттерпанк. Кон-тркультура.

Рыжая обложка. Аватара чернухи и треша в литературном мире. Гвоздь, вбитый в мозг читателя. Удар тяжелым сапогом по глазам. Мы все когда-то зачитывались Палаником, Уэлшем и Хантером-Томпсоном из этой оранжевой серии, а теперь...

Я должен признаться. Не было никаких конкурсов, не было никаких авторов, нет и не будет. И меня нет, только по-

крытая язвами бесформенная гора плоти перед монитором. У меня не осталось пальцев, я сточил их об клавиатуру. На мясницких крюках, подвешенных к потолку в моей квартире, висят тела. Теперь это еда.

Они посмели поставить моей книге меньше пяти звезд.

Я просто нашел эту книжку у подъезда. Прослезился от ностальгии, раскрыл: страницы были пусты. На обложке только мужик с топором и отрезанной головой, название тупое как колун – «Рыжая обложка». Пластинка еще какая-то видна. Ни автора, ни издательства.

А потом в ней начали появляться рассказы. По одному в день. Написанные красным от руки. Я садился после работы, пил водку с второй отрицательной (смешать, но не взбалтывать), перепечатывал эти рассказы в документ, приходил в себя в ванной, вымазанный кровью и испражнениями, смеялся в покрытый плесенью потолок, выплевывал зубы в слив и снова уходил записывать то, что появлялось в этой книге.

Не знаю, существуют ли эти авторы в реальности и кто они такие. Может быть, Маша знает. Она была первой, кто мне поверил, она сказала, что найдет людей и издаст эту книжку в сети. Похоже, в цифровом виде эти тексты не оказывают такого воздействия на психику. Я принял удар на себя, я их перепечатал. Маша оцифровала и выложила. А вы можете читать спокойно и закалять психику, контролируемый стресс, хорошо, отлично, боль утихает, меня уже не спасти, но можно спасти вас.

Не дайте себя победить. Не поддавайтесь тем, кто заставляет вас какать радугой и ловить бабочек. Это не путь к счастью. Добро можно познать, лишь познав зло. Так им и скажите.

Они говорят: выбери жизнь.

Выбери работу.

Выбери книжки о светлом будущем и рассказы о красоте заката над дачным поселком.

Выбери свет.

Выбери легкое любовное фэнтези или тестостероновый боевик.

Выбери хлеб, начинку, овощи и соусы, чтобы съесть в «сабвэе» вкусный сэндвич.

Выбери костюм на выпускной, свадьбу и похороны.

Выбери график пять-на-два, выбери жену и любовницу.

Выбери психотерапевта, который выберет тебе антидепрессанты.

Выбери поплакать над «Титаником» или поржекать над «Американским пирогом».

Выбери почитать детям на ночь Корнея Чуковского или Агнию Барто.

Выбери кукольный домик для своей барби и отбеливатель для своей ванны.

Но зачем нам все это? Мы не стали выбирать жизнь, мы выбрали кое-что другое. Почему? Да ни почему. Какие могут быть «почему», когда есть «РЫЖАЯ ОБЛОЖКА»?

Вадим Громов – «Дьявол любит вставлять сзади»

Никитос доканчивал третью бутылку «Жигулей», рассеянно пялясь в треснутый экран «Сяоми» на сисястых телочек. Настроение было заметно ниже дырки деревенского сортира.

По плечу уверенно хлопнула тяжелая ладонь.

Мобилка едва не выпала из рук, Никитос дернул плечом, по-волчьи поднял переднюю губу. «Какой черт берега попутал? Ушатаю нахуй!»

Он сурово зыркнул вбок и сразу зацепил взгляд незнакомого, лыбящегося во всю пасть мужика. Мужик подмигнул Никитосу, и тот прочухал, что в первый раз глаза конкретно дали непоняток – теперь перед ним стоял родной, старший братуха Темыч. Самый, сука, четкий, душевный и понятливый человечиче в этом беспредельно поехавшем всеми кушками мире.

Темыч выглядел бодрячком и просто красавчиком. Сразу и не скажешь, что полгода назад он скопытился от передоза в вонючем подвале на радость крысам, которые два дня усердно наяривали вусмерть обдолбанную герычем человечинку, прежде чем Темыча нашли.

– Как сам, братан?! – загоготал Темыч, и Никитос пустил

слезу от радости, насрав на то, что о нем могут подумать какие-нибудь левые персонажи. Передоз, похороны, недельные поминки – с вывернутой наизнанку душой, заблеванной одеждой, драками и двумя сломанными ребрами – все оказалось хреновым сном. Темыч был жив, и Никитос знал, что это реально зашибенный подгон неважно от кого. Главное – Темыч здесь.

– Без тебя пиздец как хуево было, – кивнул он. – А ты точно живой?

– Говно вопрос, чувак! Попозжа с тобой бухнем, и ты вкуришь, что мертвяки так не могут. А сейчас есть суровая тема, но в одного поднимать – конкретно тугая засада... Впишешься?

Никитос с готовностью кивнул:

– Да без бэ, родной! Какая тема-то?

Душу переполняли ништяки, и он был готов раскатать любую движуху – полететь на бутылке «Жигулей» в космос, трахнуть в пасть акулу, лечь вместо Темыча в могилу.

– С бывшей моей спросить надо, – Темыч чиркнул оттопыренным большим пальцем по горлу. – Ведет себя как мразота, ебется со всякими чмырдосами, про меня хуйню всякую рассказывает. Прикинь, какой пиздец лютый.

Никитос помрачнел.

– За такое и захуярить не впадлу. На крайняк – отпиздить до упора.

– Тогда двинули?

Темыч улыбался, пытливо заглядывая в душу, и Никитос знал, что задинамить его – это как навалить полные штаны поноса при тех самых сисястых телочках, а потом лихорадочно слизывать говно языком, пытаясь навести чистоту. За родную кровь он был готов на что угодно и против кого угодно. Темыч, братуха...

Поэтому он улыбнулся в ответ и встал рядом с Темычем.
– Двинули!

Спустя пять минут они подошли к нужной двери. Темыч встал сбоку, а Никитос спрятал за спину руку с «розочкой», сделанной из пивной бутылки. Темыч это одобрил: «К бабам надо ходить с флорой!».

Дверной глазок потемнел, и после короткой паузы раздался недовольный голос Людки – бывшей Темыча.

– Чего тебе?

– Я это... должок притараканил, – нашелся Никитос. – Косарик. Я хоть и синий тогда был, но помню, как ты меня реально выручила. И сверху мальчика накинул, за уважуху.

Никитос не сомневался, что Людка откроет. Она и за рубль одноглазому последний глаз высосет, что уж про халавный косарь с довеском говорить...

– Ой, а я все жду-жду, когда отдашь... – затараторила Людка, и Никитос услышал, как она открывает замок. – А я тебе разве не два давала?

Дверь открылась. Никитос шагнул вперед и ткнул как штепселем в розетку «розочкой» Людке в губы, чтобы она

заглохла; с силой провернул кисть. Стекло скрежетнуло о зубы, превратив мягкую пухлую плоть в кровавую рванину, и раскурочило верхнюю десну.

Карие глаза Людки полезли на лоб, она утробно сказала «ы-ы-ы!» и попятилась, вскидывая руки к лицу. Никитос оскалился, шагнул за ней. Подошва его кроссовка от души въехала Людке ниже начинающих отвисать «мячиков» с выпирающими даже через халатик сосками. Ее согнуло и отбросило к стенке.

– Красавелла, братан! – оценил Темыч старания Никитоса. – Разгон заебись, теперь главное – по тискам не бить! Газуй, блядь!

Он закрыл дверь, а Никитос сгрэб Людку за растрепанное каре и потянул вверх, заставляя встать. Людка выпучила глаза и прерывисто, тоненько выла, кровь текла на короткий шелковый халатик, выставивший напоказ аппетитные загорелые ляжки – ничуть не хуже, чем у шалав в Интернете. Никитос невольно сглотнул слюну, чувствуя, как начинает твердеть член.

Темыч словно прочитал его мысли.

– Братан, успеешь! Хуярь суку, радуй сердце! Ебальник ей под хохлому распиши, наведи красоту!

Никитос улыбнулся так, что Людкино лицо стало неузнаваемым от ужаса. Он не знал, что такое «хохлома», но чуйка сигналила – это типа сделанной ломом хохмы, что-то мощное, злое и ржачное. Лома у Никитоса не было, и он саданул

«розочкой» Людке в ухо. Та заверещала, брызгая кровавыми слюнями.

– Хули ты вякаешь! – возмутился Темыч. – Привыкла, что только хуем тыкают? Отвыкай, блядища!

Никитос отпустил волосы и схватил Людку за горло, прижал к стене. Верещание превратилось в хрип. Никитос «розочкой» вспорол кожу на лбу Людки, вторым движением содрал длинный узкий лоскут, а потом начал резать лицо – скупыми, прицельными взмахами. За спиной одобрительно покрикивал Темыч, и это придавало Никитосу сил и вдохновения.

Десяток тычков и взмахов превратили лицо Людки в заковыристый иероглиф, на который не пожалели красных чернил. От курного носа остался белеющий хрящом огрызок, на месте левой щеки была дырка с рваными краями, кусок кожи с бровью шторкой закрыл правый глаз.

После очередного удара Людка обмякла и сползла на пол. Никитос бросил «розочку», схватил Людку за руки, потащил в комнату.

– Ништяк отхуярил! – заржал Темыч. – Теперь можно и отодрать!

– Да она пиздец теперь страшная, – пробурчал Никитос. – Прямо хоть пакет надевай...

Он отпустил Людкины руки, и она мешком упала на пол, звучно ударившись головой. Грудь еле заметно двигалась: значит, живая.

Темыч хлопнул Никитоса по плечу.

– Пакет – это хуйня. Сейчас конкретно все порешаем: пять сек, братан.

Он ушел на кухню и быстро вернулся с большим ножом. Протянул его Никитосу.

– Отъебашь ей голову и впердоливай, пока тепленькая.

Никитос замешкался. В голове смутно забрезжило сомнение в том, что все сделанное им с Людкой – правильно и необходимо.

– Чувак, какие-то непонятки? – Темыч внимательно посмотрел ему в глаза, улыбнулся, и сомнение улетело к чертовой матери. Член встал столбом, сладко заныл от желания присунуть Людке не меньше, чем до сердца. Рука Никитоса сама взяла нож, приставила лезвие к горлу Людки. Вторая ладонь плотно прижала голову к полу.

Раз! – Никитос с силой провел ножом по горлу Людки, и с обеих сторон клинка хлынула кровь. Нож был наточен круто, резал как меч-кладенец – холодец, и Никитос заулыбался во весь рот: когда дело делается четко – это ж приятно, как ни крути!

Людка выгнулась, судорожно царапнула пальцами ковер и тут же обмякла. Никитос быстро добрался до шейных позвонков, перехватил голову за волосы, оттянул назад и начал бить лезвием по кости. Кровь заливала ковер, ручка ножа норовила выскользнуть из кулака, но Никитос на останавливался.

Он ударил в очередной раз, и голова осталась у него в руке.

– Нормалек, братан! – хлопнул в ладоши Темыч. – С мозгами у нее все равно напряг был, а так еще и пиздеть не будет.

Никитос кивнул, откинул голову Людки в угол, и начал торопливо стаскивать с нее трусы. Член разве что не вибрировал, требуя разрядки. Никитос перевернул Людку на живот, вжикнул молнией ширинки, макнул ладонь в кровь – вместо смазки.

Навалился на труп, с наслаждением и до упора вошел в теплое, начал трахать, постанывая от кайфа.

Темыч куда-то пропал, но Никитосу было глубоко фиолетово. Безголовая Людка чуть дергалась в такт толчкам, и настроение Никитоса взлетало выше небоскреба.

Баба Зина подошла к дому и досадливо поджала сухие тонкие губы.

Клятый «Мерседес» бритоголового супостата опять стоял перед самым подъездом, разве что не упираясь в дверь.

«Да чтоб тебе его спалили к лешему! – в сердцах пожелала баба Зина. – Ирод ты лысый, ни капелюшечки уважения к людям!»

Для своих семидесяти семи баба Зина была крепкой, картошку на шести сотках лопатила сама и ведра с ней тягала не из последних сил. Но бритоголовый мордастый сосед втрое младше ее выглядел тем, с кем ей бодаться совсем не хо-

телось. С такого станется и квартиру поджечь, и огород какой-нибудь гадостью опрыскать...

– Это же безобразие! – рявкнули за спиной бабы Зины. – Да за такое однозначно за яйца и в обезьянник! Без разговоров! Мы подобные выкрутасы терпеть не собираемся и не будем!

Баба Зина оглянулась. Сзади стоял незнакомый темноглазый мужчина и пристально смотрел на нее. Баба Зина удивленно моргнула, а потом широко открыла глаза и рот: да какой же это незнакомый! Это же Владимир Вольфович Жириновский, собственной персоной!

Жириновского баба Зина безмерно уважала. Солидный, образованный, правду рубит – не стесняется никого, пусть и выражений порой совсем не выбирает. Крепко жалела баба Зина, когда он умер. А теперь вон оно как выходит – и не умер вовсе! Выходит – притворился, чтобы всех удивить: а удивлять он мастак еще тот, в этом баба Зина никогда не сомневалась.

– Как есть безобразие! – поддакнула она. – Молодой, наглый, бросает где хочет. Может, вы его приструните?

Жириновский сжал кулак, гневно сверкнул глазами.

– Однозначно приструним! Вместе пойдем! Ваше поколение – надежда и опора во всем! Кто, если не мы? Да, да, именно мы!

Баба Зина тоже сжала кулаки, расправила плечи. Слова Жириновского попали в душу, как зерна во вспаханный чер-

нозем. И в самом деле – чего бояться? Грубияна, которые ей во внуки годится? Умора, да и только.

– Пойдем! – отрубил баба Зина. – Хвост ему накрутим, чтобы знал!

– Мне нравится ваш настрой! – загремел Жириновский. – Но с пустыми руками не вариант! У вас есть что-нибудь подходящее?

– Тяпка есть дома! – назвала баба Зина первое, что пришло на ум. А что? Тяпкой сорняки выпалывают, а бритоголовый – самый что ни на есть вредный сорняк, для него тяпка – наилучший инструмент.

Жириновский даже просиял. Видимо, выбор бабы Зины угодил ему со всех сторон.

– Тяпка – это замечательно! Очень может быть, что до гражданской сознательности в конце концов дотяпаемся! Как считаете – дотяпаемся? Я полагаю – однозначно дотяпаемся! Давайте быстренько домой, и за дело, нечего его откладывать!

Баба Зина перечить не стала. Жириновский кругом прав, гражданская сознательность к соседу просто так не придет: все сами, сами...

Они заскочили к бабе Зине домой, Жириновскому еще глянулись садовые ножницы: их тоже прихватили.

– Звоните! – нетерпеливо велел Жириновский, когда они подошли к квартире соседа. – Если что, скажете, что ему коммунисты на капот насрали и размазали. А монархисты

обещали в бензобак нассать!

– Однозначно! – кивнула баба Зина. Жириновский засмеялся и показал ей большой палец.

Баба Зина позвонила. Никто не открыл.

– Звоните постоянно!

Баба Зина вдавила кнопку звонка, в квартире зазвучало непрерывное «ж-ж-ж-ж-ж». Спустя минуту за дверью раздался раздраженный крик:

– Да иду, иду!

Дверь распахнулась. Баба Зина увидела мокрого соседа, придерживавшего на бедрах голубое банное полотенце. На полу прихожей виднелись отпечатки влажных ног.

«В душе полоскался, сорняк, корешок мыл, – сообразила она. – Вот и не открыл сразу».

Морда соседа стала багровой и злой.

– Вы охуели, что ли? Блядь, да я...

– Блядь, однозначно! – перебил его Жириновский. – Тяпку к бою!

Баба Зина решительно взмахнула тяпкой – двусторонней, с зубцами, как следует заточенной и сделанной любимым зятем специально для ее руки. Удар пришелся соседу в переносицу, он сразу растерял всю воинственность, тоненько взвыл, как-то по-детски перекосив рот и съежившись. На оранжево-изумрудном узорчатом кафеле голубой дугой легло упавшее полотенце. Член у соседа был маленький и безволосый.

«Мандавошек, что ли, выводит?»

Жалкий вид соседа придал бабе Зине сил.

«Не нравится прополка? На еще!»

– Тяпайте его! – Жириновский словно читал ее мысли. –

Однозначно на пользу идет!

Поддержка воодушевила, и баба Зина бросилась в бой. Перевернула тяпку зубцами вперед и с чувством жахнула соседа по темени. В последний момент он качнул головой, зубцы скользнули по черепу, рассекли кожу за ухом и неглубоко воткнулись в плечо. Баба Зина дернула тяпку к себе и сосед снова взвыл от боли, засеменил назад.

– Сколько можно драндулет свой у подъезда раскорячивать! Совсем обнаглел, сопляк! Сорняк!

Тяпка снова замелькала в воздухе. Сосед неуклюже махал руками, пытаясь защититься, но в бабу Зину словно вселился великий и грозный боец, тяпка стала продолжением ее кулака, безошибочно попадая в цель.

На руках соседа множились истекающие красным зарубки. Острые уголки тяпки рассекали кожу, зубцы легко дыривали жирок и рвали мышцы, перестали слушаться перебитые мизинец и безымянный на левой руке. Несколько раз лезвие стесало шматки плоти возле локтей, обнажив кость. Кровь часто капала на кафель, добавляя ему хаотичной пестроты. Меткие удары перерубили сухожилия на запястьях. Запах крови приводил бабу Зину в восторг: ей казалось, что аромат справедливости должен быть именно таким.

Сосед визгливо матерился, верещал и охал, отступая

вглубь квартиры. Улучив момент, баба Зина всадила зубцы ему в рот, продырявив щеку с языком. И метко пнула между ног, заставив соседа согнуться и упасть на пол.

– Отличный удар! – оценил Жириновский. – Кстати, как насчет подлить горяченького?

Он улизнул на кухню и быстро вернулся с густо исходящим паром электрочайником. Вручил его бабе Зине, ткнул пальцем в съезжившегося соседа.

– Считаю, вялый он какой-то. Однозначно надо взбодрить!

– Взбодрим!

Баба Зина наклонила чайник и плеснула кипятка на живот соседу, пытающемся непослушными пальцами выдернуть тяпку изо рта. Сосед завыл, засучил ногами и баба Зина плеснула еще, побольше – в пах.

– Кто сказал, что вареные яйца полезны для здоровья? – назидательно изрек Жириновский. – Я сказал!

Глаза соседа вылезли из орбит так, что казалось, еще чуть-чуть – и они выскочат на пол. Жириновский восхищенно заплодировал. Баба Зина засмеялась, наклонила чайник и щедро обдала кипятком лицо соседа, стараясь попасть в рот.

Сосед коротко булькнул горлом и потерял сознание.

«Какой нежный сорняк... – разочаровалась баба Зина. – Полить нельзя – сразу завял».

Жириновский задумчиво потер подбородок.

– Однозначно не хватает заключительного штриха!

Он протянул бабе Зине садовые ножницы, кивнул на член соседа.

– Полагаю, можно сразу под корень! С таким пипентием век коротать – только позориться!

Баба Зина взяла ножницы, пошире растолкала соседку ноги. Приставила ножницы к паху, с силой надавила вниз – чтобы захватить и откромсать побольше, а если получится – то все сразу. Из рассеченной кожи выступила кровь. Баба Зина вспомнила «Мерседес» возле подъезда, задорно улыбнулась.

«Любишь проход загораживать, полюби и без мудей хаживать!»

И решительно свела ручки ножниц.

– Дяденька, помогите пожалуйста!

Расслабленно идущий домой с халтуры Лихов обернулся. Сознание на миг будто бы раздвоилось: сначала он увидел высокого худощавого мужчину с жестким надменным лицом, поймал пронзительный, властный взгляд глубоко посаженных глаз. А потом на месте незнакомца очутилась девочка лет семи-восьми – худенькая и светловолосая, до одури похожая на его дочку – веснушчатую бойкую Дашку-кудряшку: и очень, очень испуганная.

Дашка была счастьем и путеводной звездой Лихова, особенно после того, как в прошлом году его бросила жена. С простым сантехником хрупкая душевная организация гениальной, пусть и непризнанной поэтессы не уживается, види-

те ли. И ребенок внимания требует, а временами еще и есть просит.

Лихов наклонился к девочке.

– Что случилось?

– Меня дяденьки пьяные трогали-и-и! – захныкала она. – За попу, а худой чуть трусики и платье не порвал! А толстый шею языком лизнул! Я еле убежала-а-а!

Перед глазами Лихова колыхнулся багровый туман. Воображение в темпе, детально и красочно изобразило паскудные рожи кучи ушлепков, с похотливым хихиканьем лапающих его Дашку.

– Где?!

– Та-а-ам...

Девочка ткнула пальчиком в сторону заброшенного двухэтажного профилактория – места сборища алкашей и прочих маргиналов, находившегося в паре сотен метров от дома Лихова.

Он коротко рыкнул и побежал к заброшке, придерживая увесистую и глухо звякающую сумку с инструментом.

Обкусанные ржавчиной ворота были нараспашку. Лихов миновал их, целью был темнеющий провал входа.

Заскочил внутрь. Редкие чешуйки штукатурки на стенах, битое пыльное стекло, грязь и рваный линолеум под ногами, куцые обрезки сантехнических труб из стен, въедливый запах сырости. Лихов спохватился, вытащил из сумки трубный ключ и пружинисто зашагал дальше.

Мужские, явно нетрезвые голоса звучали из второго дверного проема с левой стороны. Рассохшаяся дверь валялась поперек коридора, и Лихов свернул в комнату, на ходу замахиваясь ключом.

Возле деревянного ящика, накрытого куском фанеры, на обшарпанных стульях сидели два мужика. Украшающий фанерину натюрморт был незамысловатым – бутылка дешевой водки, свежий огурец, банка рыбных консервов, несколько ломтей хлеба и два пластиковых стаканчика. Еще одна, пустая бутылка валялась на полу.

На звук шагов мужики повернулись одновременно. Один напомнил Лихову Весельчака У из «Тайны третьей планеты» – короткие ножки, шарообразный торс, лысая голова из плеч и заплывшие свинячьи черты лица. Второй мог без грима сниматься в роли Кощея – худой, высокий, с длинными руками, крючковатым носом и костистой физиономией мизантропа.

– Ты чо, бля... – Весельчак успел пьяновато вытаращиться и привстать, а потом трубный ключ с размаха раздробил ему скулу. Весельчак слетел со стула и грохнулся на карачки, выхаркнув кровь вперемешку с осколками зубов.

Кощей сжал мосластые кулаки и вскинул руки к лицу, но Лихов без раздумий обрушил ключ на его колено. Кощей зарорал, показывая мелкие кариесные зубы и желтоватый язык, схлопотал ногой в живот и кубарем покатился со стула.

– Шема, блядь... – Весельчак сморщился и сплюнул вто-

рую порцию зубов. – Ебнулшя, шо ли?

Лихов пнул его в то же место, куда ударил ключом. Голова Весельчака мотнулась в сторону, показав короткую пухлую шею со вздувшимися жилами, и он упал набок, зайдясь в жутком кашле.

Кощей уже вставал, и Лихов прыгнул к нему, шарахнул ключом по затылку, опять сбив с ног. Кощей обмяк. Лихов взял его кисть и накрыл ею пустую бутылку.

– Руки чешутся девочек трогать? На, мразь!

Он ударил ключом по тыльной стороне кисти, глухо разбилось стекло. Лихов остервенело бил по руке, глядя, как из-под ладони растекается кровавая клякса; как хрустит, крошась, стекло; как лопаются вены и выгибаются переломанные пальцы.

Потом остановился, лихорадочно скользнул взглядом по комнате. Душа требовала сделать с педофилами что-нибудь особенное.

Взгляд притянул угол с подсохшими колбасками кошачьего дерьма. Лихов сгреб его голый рукой, наклонился к Кощей.

– Сладенького захотелось? Жри это, мразь!

Кощей открыл мутные глаза и Лихов впечатал дерьмо ему в рожу, растер, немного впихнул между губ.

– Жуй, сука!

Новый удар ключа расплющил Кощейю губы, и Лихов продолжил бить, бить, бить, не давая педофилу вытолкнуть изо

рта дерьмо, фаршируя его остатками зубов.

Багровый туман снова спеленал сознание. Лихов раздробил Кощею нос, выбил глаза. Очередной удар провалился во что-то брызнувшее в лицо теплыми ошметками, и Лихов задержал руку на новом замахе. Смачно плюнул в месиво из кожи, плоти и костей на месте лица.

Встал. Повернулся к продолжающему кашлять Весельчаку, расстегнул ширинку.

– Попей, не кашляй.

Тугая желтая струя ударила Весельчаку в лицо, смешалась с кровью. Закончив мочиться, Лихов взял початую бутылку водки, вылил ее на Весельчака. Вытащил из кармана зажигалку, чиркнул колесиком.

Пламя занялось почти сразу. В дикий хрип горящего человека вплелся детский смех. Девочка стояла в дверном проеме и смеялась – весело, захлеб.

– Гори-гори ясно, чтобы не погасло!

Лихов изумленно мотнул головой. Голос девочки стал ехидным, мужским. Лихов моргнул и оторопел. Реальность сбоила и двоилась – девочку сменял виденный недавно мужчина с жестким лицом, и спустя миг-другой – опять принимал облик девочки.

Девочка закончила смеяться, превратилась в Дашку-кудряшку и подмигнула Лихову.

– Вообще-то я пошутила. Не трогали они никого. Но заебись же шутка вышла? Ударная.

Сердце Лихова начало биться часто, неровно. В ноги ударила дурная слабость, и он грузно опустился на краешек стула.

– Кто ты?

– Я тот, кто влупит этому миру за щеку, – хохотнул мужской голос. – А потом он начнет клянить добавки, блядь!

– Здравствуй, милая...

Вкрадчивый мужской голос за спиной заставил Евгению оцепенеть, любимый пеньюар показался сотканным из кристалликов льда.

– Я надеюсь, ты рада меня видеть, дорогая? И нет – я тебе не мерещусь. Я где-е-есь...

Евгения медленно повернулась.

Происходящее не могло быть реальностью, ведь мертвые не возвращаются, но Артем расслабленно сидел на диване, закинув ногу на ногу, целый и невредимый. Бывший муж, хороший гипнотизер, двуличный ублюдок и маньяк – жестоко убивший около полусотни человек просто потому, что ему это нравилось, при задержании получивший пулю в затылок – был в ее квартире; и Евгения не могла отделаться от ощущения, что хорошим встреча не кончится. Омерзительная в своей уверенности улыбочка Артема сулила именно это.

«Не смотри ему в глаза».

Мысль запоздала всего на миг. Артем поймал взгляд бывшей жены, и она поняла, что все ниточки ее тела и души – в

его власти. Пока он еще не натянул их, но обязательно делает это; потому и пришел.

– Я смотрю, ты не сильно по мне убивалась? Ай-яй... Ну, подумаешь, кровушки пролил, мясца порубил-порезал. У каждого свое хобби. Кто-то жуков на булавки прикалывает, кто-то гороскопы составляет, а я вот так вот развлекался... Тебя-то я пальцем не тронул, на руках носил, все у тебя было.

Он помолчал, качнул головой:

– Могла хотя бы на могилу не плевать, обидно же.

– Тебя же убили... – прошептала Евгения. Нервы сдали, и она ткнула в Артема пальцем. – Ты должен гореть в аду, нелюдь!

Артем рассмеялся – громко, беззаботно.

– Фу-у-у, какой нелепый пафос... Да был я там. Интересное местечко. Хочешь, свожу? Не-е-ет, я вижу, что именно ты хочешь знать... Как я выбрался, да?

Евгения помедлила, опасаясь подвоха, но все же кивнула. Артем подался вперед, улыбка стала бесконечно ликующей.

– Я. Загипнотизировал. Дьявола. Представляешь, милая? Он и отпустил. А теперь я могу подчинить себе кого угодно, любой у меня как на ладони, трижды уже проверил – полный восторг... Такие горизонты открылись, это просто отвал башки, однозначно. Для кто-то преисподняя – это финиш, а для меня – новый уровень.

– Нет... – Евгения мотнула головой. – Нет, ты врешь. Ты

как-то выжил, сбежал... Я не верю.

Артем пожал плечами.

– Верь, не верь, а с дьяволом трахаться придется. Это его и мой бонус за возвращение... Кстати, он любит вставлять сзади.

В ноздри ударил запах серы, послышались тяжелые шаги. Евгению затрясло.

– Это твой гипноз, это не по-настоящему...

– Когда я тебе врал, любимая? – оскалился Артем. – Этой привычки не изменила даже смерть.

Евгения оглянулась. Дьявол стоял в метре от нее – ростом под потолок, уродливый, рогатый, багровокожий. Вздрыбившийся член был длиной с полицейскую дубинку и толщиной с предплечье крупного мужчины. Оголенная головка курилась дымком.

– Ах, какой будет трах-трах... – мечтательно протянул Артем. – Ты же любишь пожестче, да? А теперь встаем раком, не стесняемся... Дьявол не любит ждать.

Сознанием и телом начала управлять чужая воля. Покорно снятые трусики остались на полу, Евгения задрала пеньюар к подбородку и встала на четвереньки.

За спиной жутко и довольно сопел дьявол.

– Мой властелин, я обещал вам новое удовольствие? Вот оно.

Артем сделал приглашающий жест, и Евгения ощутила на бедрах жесткие обжигающие лапы кошмарной бести, запах-

ло горелой плотью. Довольный рык дьявола предвещал один из кругов ада.

Ягодицы и промежность Евгении обдал жар, а в следующий миг дьявол вошел в нее: рывком, до упора.

Крик Евгении слился с хохотом и аплодисментами Артема.

Олеся Бондарук – «Комиссия»

– Можно?

Толик заглянул в кабинет, и, не услышав ответа, решил, что можно. Заходить было не так просто: сначала надо было распахнуть дверь пошире, потом перехватить покрепче оба костыля и перешагнуть неудобный порожек. Однажды он пытался переехать порожек на кресле и наслушался от хозяйки кабинета замечаний вроде «следите за своим языком» и «здесь вам не рюмочная на базаре». То, что в кабинете сидела соцработник по делам инвалидов, и что порожек был непреодолимым препятствием для кресла, обладательницу кабинета волновало чрезвычайно мало.

Толик доковылял до стула, тяжело опираясь на костыли каждый раз, когда надо было переставлять единственную ногу. Соцработник – Марианна Ивановна – благоухала духами и внимания на посетителя не обращала. Такой уж у нее был стиль общения с посетителями – уставиться в экран компьютера и не реагировать до последнего. Но Толик был воробей стреляный, торопиться ему было некуда, поэтому он спокойно сидел на стуле. Его устраивало все, кроме резкого запаха парфюма, от которого щекотало в носу, но и это было терпимо.

Наконец Марианна, которую за глаза ее подопечные называли Гадюкой, соизволила обратиться к Толику:

– Чем могу помочь, Анатолий Сергеевич?

Толик, хоть и готовился к визиту, не смог сразу гладко ответить:

– Я это... ну... короче, вы же знаете... ну, в общем, мне нужен новый протез.

Отвечала Марианна с мерзкой ухмылкой:

– Вы получили протез три месяца назад. Следующий вам положен через год. Что-то еще?

Толик и не думал уходить:

– Нет, мне нужно сейчас... Не могу я ждать.

– А где тот, что вы получили?

– Это дерьмо пластиковое? Да он на следующий день сломался!

Толик кривил душой, но правду решил не говорить ни за что.

– Дают говно всякое, а потом удивляются, что на год не хватает.

– Анатолий Сергеевич, следите за языком!

– А что, неправда, что ли? Всяким мокрощелкам пятнадцатилетним бионические небось выписываете. Видел я эту... Смирнову. И тому, который без обеих ног, тоже немецкие дали. А мне... Короче, хочу новый, и чтобы бионический.

Марианна окончательно оторвалась от своего компьютера, и на лице у нее появилось то самое выражение, за которое она и получила свое прозвище: презрения, тихой ненависти

и тайного удовольствия от своей власти.

– Анатолий Сергеевич, давайте тогда честно. Смирновой пятнадцать, да. И она занимается спортом, прекрасно учится и ведет активную жизнь. Ей нужен качественный протез, который выдерживает нагрузки. Кашинский работает, ведет здоровый образ жизни. А вы... Вы думаете, я не догадываюсь, что с вашим протезом? Готова поспорить, что вы опять напились, были в неадекватном состоянии и просто его потеряли. И вам уже сорок семь. Мало надежды, что в вашей жизни что-то изменится.

От пронизательности Гадюки Толику стало не по себе. Он и правда пил сначала с Димоном, потом пришел его друг, то ли Леха, то ли Андрюха. Потом все было как-то смутно. Кажется, они куда-то ехали, потом где-то пили во дворе, потом пытались купить еще бухла. Где-то глубоко было неясное воспоминание, что он предлагал протез продать, и обещал друзьям, что бухать на эти деньги смогут неделю. Правда ли он его продал, память сообщать отказывалась. Очнулся Толик в парке на скамейке, без протеза и без костылей. Хорошо, что попались какие-то не очень злобные менты, которые помогли ему добраться до дома. Но ничего этого рассказывать Марианне он не собирался – надо придерживаться версии, что протез сломался.

– Короче, Марьян Иванна, мне нужен протез, – заново начал он. – Вместо сломанного. И не говно ваше, а нормальный.

– Ага. А где же этот ваш сломанный протез, позвольте поинтересоваться? Может, мы его починим, – издевательским тоном парировала Гадюка.

Ответить Толик не успел, потому что телефон на столе завибрировал, и его собеседница ответила на вызов, не обращая на посетителя никакого внимания.

– Да, – говорила она. – Да, заказывала. Да, после шести. Третий микрорайон, двенадцать, квартира семь, правильно. Значит, доставка точно будет до семи? Отлично, буду ждать.

Она положила телефон на стол и сказала Толику:

– У меня все. Можете хоть до посинения сидеть, ничего не высидите. Сами уйдете, или охрану пригласить, чтобы проводили?

Толик выругался и стал собирать свои костыли.

– Я еще приду. Я свои права знаю. Может, вы протезы на лево толкаете, знаю я вашу породу. Я еще покажу вам! Пигалицам, значит, бионику, а нормальному мужику – хер!

– Удачи, – ледяным тоном попрощалась с ним Гадюка и снова отвлеклась на телефон, мягко вибрирующий на столе.

«Третий микрорайон, двенадцать, семь», – повторял много раз про себя Толик, шедший домой. Память его подводила в последнее время, а он не хотел забыть столь ценную информацию. «Три – двенадцать – семь. И до сколько эта блядь сказала, будет дома? До шести? До семи? Или после семи? Неважно, главное, адрес, – тихо бормотал он. – Три – двена-

дцать – семь. Три – двенадцать – семь. Три – двенадцать – семь».

Придя домой, он первым делом записал адрес на старом рекламном флаере, валяющемся в прихожей. Дома была за-начка – бутылка водки. Он накрыл нехитрый стол: водка, старая мутная рюмка, сосиски прямо в пачке – остатки покупок со дня пенсии – и привядшая луковица. Он пил, каж-дый раз чинно наливая в рюмку и даже мысленно произнося какой-то тост.

Он еще не представлял, что будет делать. Заявится и устроит скандал? Покажет мерзкой бабе, кто тут настоящий мужик, чтобы знала, как с ним так разговаривать? Ничего, сымпровизирует. Он все прокручивал и прокручивал в го-лове разговор с Марианной Ивановной, придумывал хлест-кие остроумные реплики, переигрывал его то так, то эдак, неизменно выходя победителем. Но потом вспоминал през-рительное «Удачи» и начинал злиться еще сильнее. «Убью эту блядь», – наконец решил он и повеселел. Ему стало намного легче думать после половины бутылки. «Хорошо, что адрес записал», – подумал он радостно, потому что ни единой цифры больше не помнил. Надо бы уже выходить, на автобусе почти час, да и там на костылях пока доберется. «Убью эту блядь», – повторил он, как заклинание, и ему ста-ло казаться, что он нашел решение всех проблем, и что он сильный, и все еще у него впереди, и протез он получит, по-том откроет свой бизнес с Димоном, шиномонтажку какую

или еще чего-нибудь крутое. Осталось только избавиться от Гадюки, и все у него получится.

Добираться по разбитому тротуару на костылях было нелегко, под мышками нещадно болело. Это были старые тяжелые костыли, которые пришлось взять вместо легких и удобных, потерянных в ту же ночь, что и протез. Хорошо, что он их сохранил, на коляске по городу передвигаться было нереально.

На звонок в домофоне Гадюка ответила довольно быстро, и как только услышала «Доставка», сразу открыла. Видимо, настоящий курьер еще не приходил. В доме был лифт – настоящее чудо для Толика, иначе на четвертый этаж карабкаться пришлось бы долго. Когда лифт доставил его на нужную площадку, Гадюка уже стояла в дверях.

Ее глаза округлились, когда она поняла, кого видит перед собой, но Толик не дал ей шанса произнести ни слова. Он просто пихнул ее в грудь под дых костылем, и пока она беспомощно раскрывала рот, пытаясь вдохнуть, затолкал ее внутрь квартиры и быстро прикрыл дверь. В узкой прихожей он бросил костыли на пол, схватил Марианну за халатик и зажал ее в угол. Не давая ей даже пискнуть, он начал бить ее по лицу, пытаясь сохранить равновесие на одной ноге. Он бил, и бил, и бил, пока ее лицо не стало наливаться красно-лиловым. Кажется, Гадюка пыталась царапаться и вырываться, но он не обращал никакого внимания. Весу в ней было от силы

килограмм пятьдесят. Когда она перестала сопротивляться, он ударил ее несколько раз головой об стену, и она потеряла сознание.

– Ну что, сука, может, охрану свою теперь позовешь? Или комиссию соберем? Будем решать, что такой блядище, как ты, положено?

Он встал на колени, схватил женщину за волосы и потащил ее в комнату, больно опираясь на культу. Только теперь он подумал, что, возможно, она живет не одна, но сразу отбросил эту мысль. Кто же в здравом уме с такой будет жить? В комнате он огляделся, из стопки белья, приготовленного, видимо, для глажки, выудил махровый халат с поясом, вытащил пояс из петелек и крепко связал женщине руки за спиной. Потом там же нашел то ли колготки, то ли чулки, которыми связал ей ноги. Вспомнил, что надо бы заткнуть ей рот, чтобы не подняла шума, пока он решит, как будет ее убивать, похвалил себя за сообразительность, запихал Гадюке в рот трусы и повязал сверху какой-то косынкой.

От всего этого Толик устал, его прошиб пот, руки начали трястись, и смертельно захотелось выпить. «Ничего, никуда теперь не денется», – подумал он, кое-как поднялся и на одной ноге запрыгал в кухню. Водки в холодильнике не оказалось, но зато в одном из шкафчиков обнаружилась целая бутылка коньяку, и после пары глотков в животе стало тепло, а в голове – легко. Теперь можно было решать, что делать дальше. Толик поскакал обратно в прихожую, чтобы забрать

костыли, и там обнаружил что-то вроде здорового стенового шкафа, а в нем – ящик с инструментами. «Годится», – решил он и поволок добычу в комнату, где, судя по неясным стонам, приходила в себя хозяйка квартиры.

Толик оборудовал себе гнездышко: принес коньяк, колбасу из холодильника, ящик с инструментами, аккуратно поставил костыли рядом. На дергающуюся Марианну смотреть ему было смешно. Она уже не была такой высокомерной мразью, а то ли еще будет! Он налил в принесенный стакан коньяк, решив больше не пить из горла, а чтобы развлечься, взял телефон хозяйки. Даже звонок в домофон его не отвлек: наверное, пришел настоящий курьер, да и хер с ним. Как пришел, так и уйдет. А вот фотографии в телефоне его заинтересовали намного больше.

– Слушай, Марьянка, тебе сколько лет? Сорок три, сорок четыре? А этому, которому ты пишешь, лет тридцать. Любишь ебарей помоложе? И не стыдно тебе ему такие фотки слать? Все вы, шлюхи, одинаковые. Мужа, наверное, на хуй послала, а этого потрахушечника завела. Ну ты баба-то еще ничего... была. А вот если ты как я станешь, будет он тебя трахать, а? Ты-то себе протезы бионические выпишешь, да захочет ли он? Тебе же и так года два, ну три осталось ебательного возраста, а потом все. Самотыком будешь обходиться.

Марианна с ужасом смотрела на него, извиваясь перед ним на полу, но никак не могла освободить туго связанные

руки и ноги. Один ее глаз совсем заплыл, лицо опухло, волосы торчали во все стороны, как пакля. Толик смотрел на нее все веселее. Коньяк был выпит наполовину, и решительность только росла.

– Короче, щас будет заседание комиссии. И комиссия решила тебя подправить немного. Посмотреть, как ты потом будешь активную жизнь вести, или как там ты говорила.

Он включил телевизор на полную громкость, сполз на пол, подтянул к себе ящик с инструментами и выудил из него молоток. А потом сел прямо Марианне на грудь, лицом к ее ногам, и ударил молотком по колену. Она взвыла так, чтобы даже кляп не мог сдержать крика, но Толику было все равно. Он продолжал бить по колену, превращая его в кровавое месиво. Марианна долго дергалась, а потом перестала. От колена осталась каша, нога выглядела странно чужой, особенно по сравнению с другой, нормальной.

– Зачем тебе такая? Протез красивше будет. Когда ты его получишь, года через полтора, если тебя комиссия в жопу не пошлет с твоими просьбами, – приговаривал Толик.

Потом он взял топорик и принялся отделять куски мяса, которые остались вместо колена, пока от ноги не осталась только уродливая кровоточащая культя.

– Слушай, Марьян Иванна, нехорошо, некрасиво. Ноги-то у тебя разные, – сказал он и сам захохотал своей шутке. – Но ничего, щас поправим. Мне несложно, я мужик рукастый.

И он снова взял в руки молоток, на этот раз атакуя левую

ногу. Судя по тому, что женщина начала опять стонать, она еще была жива.

– Правильно, блядь, ты мне не вздумай помирать. Я тут стараюсь не для того, чтобы ты сдохла. Я тебе новую жизнь организовываю. Работаю, понимаешь, не покладая рук. Цени, сучара, спасибо мне скажи. Я тебе покажу, как комиссия решает. Я теперь сам комиссия.

Когда и вторая нога оказалась отделена от тела, Толик наконец развернулся, чтобы посмотреть на Марианну. Глаза у нее были закрыты, то ли она была без сознания, то ли не выдержала совсем. Толик добрался до бутылки с остатками коньяка, а потом снова вернулся к женщине.

– Смотри, теперь же тебя ебать еще удобней будет, так своему малолетке и скажешь. Я щас тебе покажу.

Он задрал атласный халатик, силой сорвал тонкие трусики, а потом стянул с себя штаны и трусы. Эрекции у него давно не было, и сейчас член так и остался мягким и вялым. Он попытался пристроить его между ног женщины, но из этого ничего не вышло. Это его разозлило, и он начал орать:

– Сухая, блядища, как пустыня Сахара! Как тебя мужики ебут с такой сухой пиздой? Моторным маслом смазывают, что ли? В такую хуй хер вставишь! Но ничего, я тебе покажу, как можно. Если ты своей дыркой уже никого завлечь не можешь, используй подручные средства! Очумелые ручки, блядь!

И он снова взялся за молоток, весь покрытый кровью, ош-

метками мяса и кусочками кости, развернул его и затолкал рукоятку Марианне во влагалище, решив непременно запихать его во всю длину.

– Ты же старая шалава, у тебя пизда, наверное, растянутая, как ведро, тебе самотык подлиннее надо.

Дело шло с трудом, дальше половины ручка молотка заходить не хотела. Тогда он взял топорик и обухом стал стучать по головке молотка, вгоняя его до конца. Полилась кровь, и Толик совершенно измазался, но получившаяся картина ему понравилась: культы женщины были широко расставлены, а головка молотка торчала ровно по центру. Вдруг он почувствовал, что у него между ног потеплело. Его член слегка напрягся, эрекция была слабой, но даже такой у него не было много лет. Он обхватил член руками, кровь на них действовала как смазка. Он двигал все быстрее и быстрее, пока по телу не прошел спазм, а по рукам не побежала сперма. И почти в тот же момент в квартиру требовательно позвонили. Совершенно не соображая, что он делает, Толик на автомате поднялся, подхватил костыли, и пошел в прихожую. А когда он распахнул дверь и увидел человека с фотографий из телефона, он только и смог что пьяно произнести:

– Здрасьте, вы к Гадюке? Идите на хуй, у нас тут комиссия.

Дядя Богдан – «Passion absolue»

Нежность – лучшее доказательство любви, чем самые страстные клятвы...

Золотая Пума Ремарка

Elle

Она по-настоящему прекрасна. Особенно когда ничто не прячет Ее великолепия от Его глаз. Только природная красота. И ничего лишнего. Ни нарощенных углепластиковых ресниц. Ни закачанных филлерами губ. Ни густого слоя тональника. Ни одежды и нижнего белья.

Ни даже кожи...

Острие скользит по Ее губам, спускается по щеке на шею, играет с алебастрово-белой кожей. Она чувствует холод и тяжесть металла. И это безумно заводит. Ниже и ниже, каждый сантиметр вызывает настоящий взрыв предвкушения в Ее нервной системе, разогнанной до предела холиномиметиками.

Скальпель делает изящный надрез. Первый, но отнюдь не последний. Чуть ниже левой груди. Наискосок, длиной сантиметров десять-двенадцать. Отложив лезвие в сторону, Он слегка прикасается указательным пальцем к тонкой красной нити, словно вышитой на перламутровой коже. Надавливает аккуратно подушечкой. Алая капля немедленно появляется

в этом месте, растет и набухает с каждым мгновением. Она тихонько стонет. Ничего-ничего.

Это всего лишь прелюдия.

С легким хлопаньем края раны расходятся, пропуская пальцы внутрь. Один за другим. Разрез ширится, сочится все сильнее и сильнее, кровь вместо смазки, что облегчает проникновение. Внутрь. Глубже. Пока ладонь не погрузится по линию запястья. *Чмок!* Горячая и влажная плоть под покровом кожи словно дышит, страстно отвечая на прикосновения. Еще глубже. Кончики пальцев упираются во что-то плотное, похожее на подогретое желе. Небольшое усилие, и жировая полусфера уступает, тихонько чавкнув. Точно черви, пальцы снуют под кожей, поглаживая грудь изнутри. Темно-коричневый сосок выпирает под этим давлением, кажется, что он сейчас вылетит, точно пробка от шампанского. Впрочем, так только кажется.

Прекратив свои шалости, пальцы хватаются крепче. Кровь струится вниз по животу, скапливаясь крошечным омутом в пупке. Треск, хлопанье, и большой кусок жировой клетчатки отходит от грудных мышц. Стон превращается в вопль. Ну наконец-то! Теперь к крови примешивается вязкая бледно-желтая жидкость, вытекающая из поврежденных лимфатических сосудов. Резкий рывок. Треск связок. И вот на ладони лежит нечто, походящее на медузу, выброшенную прибоем на берег. Внутри медузы темнеют гроздь долек молочных желез с обрывками протоков. *Шмяк!* Кусок вырван-

ного из Ее тела жира шлепается в контейнер для отходов.

*Любопытный факт – стимуляция женской груди «в со-
ло» способна привести к полноценному оргазму.*

Теперь на очереди правая сторона. Аппетитный, покры-
тый гусиной кожей холмик, то ли от холода металлическо-
го дна операционной капсулы, то ли от боли. Она облизы-
вает припухлые губы. *Удачная модификация – одна из мно-
гих.* Кончики Его ногтей цепляют за сосок, оттягивая его в
сторону. Щипают и крутят, вызывая новые стоны. Длинная
медицинская игла скользит по идеально гладкой белизне ко-
жи, слегка царапая. Пересекает ареолу, легонько жалит со-
сок. Давление нарастает, сталь проходит насквозь, пример-
но треть вырывается наружу с другой стороны. Вскрик. Еще
один. Еще.

Encore!

Вторая игла входит перпендикулярно первой. Третья вты-
кается на полтора сантиметра правее соска. Четвертая – зер-
кально третьей. Пара минут, и грудь топорщится ими, точ-
но дикобраз. Иглы кончаются, но приходит время кусачек.
Кончик соска оттягивается все сильнее и сильнее. *Чик!* На
его месте остается аккуратное круглое отверстие. Жерло ис-
текающего кровью вулкана.

Его язык осторожно касается равного края раны, ощущая
на губах вкус соленого железа, кончик его погружается в же-
леобразную мякоть. Пальцы ласкают бордовый след от све-
жего шрама на животе.

Это очень глубокий петтинг.

Чудесно...

Боль – это новый секс.

II

Он по-настоящему прекрасен. Особенно когда под лоснящейся кожей перекачиваются бугры мышц – результат применения экзогенных гормонов. Мышечная гипертрофия умеренная, отчего тело имеет идеальные пропорции античной статуи. Ее пальцы скользят по широкой груди, по рельефному прессу, смыкаются вокруг основания полуэрегированного члена. Немного поиграв с ним, пальцы крепко сжимаются, приводя агрегат в состояние полной боеготовности.

Налитая кровью головка становится лилового цвета, распухая почти в два раза. Лимфодренажный бур погружается в раскрывшуюся уретру, медленно, сантиметр за сантиметром. Лапки бура находятся в сложенном состоянии, поэтому процесс приносит лишь небольшой дискомфорт и чувство жжения внутри. Он молчит, сжав зубы. Лицо Его неподвижно, лишь слегка дергаются прикрытые веки.

Проникнув примерно до основания члена, бур раскрывается, ошетиливается сотней крошечных остроконечных ворсинок, впивающихся в стенки уретры. От неожиданности Он мычит. Выждав пару минут, Она вытаскивает бур наружу, но не медленно и плавно, а резким рывком. Словно заво-

дит бензопилу. На датчике звука в капсуле резкий скачок до семидесяти децибел. Извлеченный участок покрыт бахромой из крови и слизи, он разбрызгивает красные капли во все стороны. Как фонтан, подсвеченный алыми огнями. Или праздничный фейерверк.

Эрекция, поддерживаемая ударными дозами афродизиака, не прекращается, и Она пользуется этим, седлая его верхом. Кровь увлажняет стенки влагалища лучше любой смазки. Толчок за толчком, фрикция за фрикцией.

Быстрее!

Сильнее!

Глубже!

Полупустая левая грудь шлепает по телу, словно мокрая тряпка. Справа – сплошь потеки крови, капающие на Его лицо, превращая его в багряную маску. Он высовывает язык, ловя крупные капли. Говорит, что любит Ее.

Говорит, что хочет Ее. И тогда Она, наклонившись пониже, целует Его.

Если бы поцелуй мог убить – Он был бы уже мертв.

Мертв от переполняющей любви.

Боль – это новая любовь.

Ис

Они по-настоящему прекрасны, когда Вселенная съежилась до размеров капсулы. Тела трутся и сплетаются между собой, сливаясь в единый организм. Их руки сжимают скаль-

пели, рассекая мякоть плоти, Они выпускают свою *amour* наружу через десятки свежих порезов разной глубины.

Пневматическая система манипуляции поднимает капсулу высоко вверх, отрывая любовников от пола. Она движется в ритме танго, копируемом бесчисленным множеством проводов и трубок, тянущихся от Ящика Пандоры. Его сложная система дарует бессмертие любому, кто оказался внутри капсулы. Какие бы повреждения ни получило тело – Ящик удержит в нем жизнь. Не даст умереть. Нескончаемая агония или... бесконечный оргазм?

Хирургический Эдем на грешной земле.

На очень грешной земле...

Адреналин не дает потерять сознание от боли, которую стократно усиливают холиномиметики. Тела превращаются в голый, лишенный миелина нерв, мозг взрывается от любого внешнего воздействия. Тропинохром мгновенно адаптирует организм для выживания, даже при получении колоссального ущерба. В совокупности все вышеперечисленное позволяет заглянуть за грань, ранее бывшую недостижимой...

Пальцы переплетаются в любовном экстазе, параллельно набирая на консоли капсулы нужные команды. Ожившие щупальца, тускло мерцающая стальными гофрами, скользят по их влажным и липким от пота и крови спинам. Добравшись до цели, неторопливо скалятся тремя длинными острыми иглами. *Хрясь!* Резкий удар! Точно в нейропорт между пя-

тым и шестым шейными позвонками. Слепящая вспышка перед глазами. Они корчатся от боли, когда сталь проникает в позвоночник, выпуская пучки микроэлектродов прямо в костный мозг. Это парализует на краткий миг тело целиком. Мышцы горят огнем частых судорог.словно внутрь позвоночника залили расплавленный свинец.

А затем происходит синхронизация. Лишенные волос тела сливаются в единое целое. Сиамские близнецы с общей нервной системой. Электрические импульсы скользят по сплетению нейронов, объединяя их не только друг с другом, но и с консолью капсулы и Ящиком.

Они чувствуют боль друг друга.

Они чувствуют страсть друг друга.

Они чувствуют любовь.

Боль – это новый мир.

Занавес!

Abattoir

Лезвие скальпеля, управляемое Ее разумом, начинает акт аутопсии заживо, ведь Ей так хочется заглянуть в Его душу. Надрез начинается с левого плеча до центра грудной клетки. С тихим хрустом кожа расходится под давлением медицинской стали. Трещат плотные мышцы и сухожилия. Второй – симметрично первому, только с правой стороны, пока два тончайших разреза не сойдутся в одной точке. Лезвие продолжает путь уже вниз, образуя Y-образный надрез. Тонкий

настолько, что до сих пор нет ни капли крови. Лапы манипуляторов подцепляют плоть в четырех местах и раскрывают ее с причмокивающим звуком. Обнажаются качающие «меха» легких. И сердце, бьющееся между ними. Остается пробиться сквозь последнюю преграду.

Дренажные трубки откачивают лишние жидкости, а щупальца капельниц обеспечивают подачу крови. Два стальных зуба перекусывают ребра. Одно за другим. *Хрусть! Хрусть!* Задорное похрустывание, точно сухая ветка ломается об колено. Наконец грудная клетка разделяется, а диафрагма распускается алым бутонем розы. Готово. Она протягивает руку, осторожно касается пальцами. Каждый удар Его сердца отдается в руку. Слегка сожмешь – мгновенно пищит датчик на одном из мониторов, реагируя на изменение пульса. Контакты дефибрилятора пытаются выровнять его бифазными разрядами тока...

Сердце продолжает биться у Нее на ладонях, оплетенное целым каскадом искусственных сосудов, удивительным образом продолжая качать кровь. Автономный режим. Чудный подарок.

Она чувствует его биение так, словно это ее сердце.

Их общее сердце.

А зачем впивается в него зубами. Писк сходящих с ума датчиков. Жесткая плоть еле-еле поддается клыкам, в рот брызжет настоящий фонтан. Напор силен настолько, что кровь начинает забивать носоглотку, вытекать через ноздри.

Идеальный сердцеед – это опытный хирург.

Его очередь водить.

Сверло скрипит и посвистывает. Ноздри ловят омерзительный запах горелой кости. Из очередной крошечной дырочки на Ее голове вытекает крошечная рубиновая капля. В дело вступает костяная пила, повизгивая, врезается в кость. *Вззз!* Соединяет отверстия между собой. Одно за другим. Легкий вакуум под присоской манипулятора. *Чмок!*

Верхняя часть черепной коробки отходит, словно срезанная макушка кокоса, обнажая желтовато-серую массу извилин, лишь местами заляпанную кровью, откачиваемой дренажами. Остается снять тончайшую пленку, похожую на оболочку для кровяной колбасы. После этого электроды врезаются в некоторые участки на разную глубину. Одни стимулируют центры удовольствия. Другие – рожают агонию, боль, которую человеческое сознание не способно выдержать, не перегорев.

Так перегорает лампочка при коротком замыкании.

Они чувствуют этот вихрь внутри себя. Рвущий на клочки тело и душу. Лучше умереть, но умереть Они не могут.

Идеальный способ проникнуть в голову женщины – это трепанация.

Они теряют себя. Теряют индивидуальность. Теряют последние отблески рассудка. А как иначе? Представьте себя на их месте. Их розовые, только что освежеванные губы, обведенные красной каймой капилляров, сливаются в страст-

ных поцелуях. Сверла погружаются внутрь глазных яблок, отчего те лопаются с громким хлопанием, истекая хрустальной слизью. Вакуумная помпа вытягивает наружу кишки через анус, разбрызгивая слизь. Желудок, печень, почки и прочая требуха вырезаются из раскрытых тел. Настоящий шведский стол. *Von appétit!*

Их туши перерабатываются. Перемалываются жерновами машины для свиней.

Они уничтожают свою плоть. Это необходимо, чтобы освободить душу. Чтобы попасть в рай. Испытать неземное блаженство. Только это сейчас имеет смысл. Ведь...

Боль – это новый Бог.

Они приносят жертвы своему идолу. Кровавые подношения разложены на чашах, висят на штативах внутри пластиковых мешков с физраствором. Ломти мяса, лоскуты кожи, внутренние органы. Мириады нагих нервов вплетаются в гигантскую паутину оптоволокна. То, что осталось в капсуле, людские ошметки. Отходы. Это уже неважно.

Ящик Пандоры пристально следит, поддерживая в своем нутре две тлеющие искры жизни. Они ослеплены. Они глухи. Они немые. Они сами уничтожили себя. Танатос и Эрос сливаются в единое целое. Огонь Святого Экстаза. В сухом остатке – Они всего лишь набор электрических импульсов, снующих по платам процессора. Их виртуальное сознание переполнено Болью. Они продолжают испытывать ее даже сейчас.

Но умирять и порабащать тело мое, дабы, проведя другим, самому не остаться недостойным...

Скинуты последние оковы. Висячие сады живой плоти вокруг. Кровавый урожай зреет под солнцами люминесцентных ламп. Но самое главное впереди. Они должны пройти последний обряд причастия. Омыться от самого страшного Греха...

Enfant

...Греха родительства. Это крошечное существо внутри маточного мешка, удаленного заранее. Еще в начале их Перехода. У него уже есть ручки и ножки. У него бьется сердечко-колибри. А самое главное – полностью сформирована кора головного мозга. Значит, эта крошка чувствует боль.

А Они... Они бы облизнулись от предвкушения, если бы еще имели языки. Ведь щупы и контакты нейролинков уже всю орудуют внутри черепа размером с крупное яблоко. Они все почувствуют. Каждый миг агонии еще не рожденного существа.

Острее всего чувствует боль тот, кто испытывает ее впервые...

Иглы и лезвия. Буры и зажимы. Провода и клеммы. Плотоядная машина наступает...

Первый крик боли. Немой крик.

Для Них это просто набор импульсов, прокачивающихся через сознание Ящиком.

Крохотные пальчики ломаются один за другим. Животик вспарывается от пупка до шеи. Мозг пронзают с шести сторон длинные иглы там, где свод черепа еще не заостенел...

Они забились бы в экстазе, если бы еще имели тела.

Скрежет. Хруст. Треск.

На несуществующих лицах талидомидовый лик благодати.

Это апогей. Чистейший экстаз, ниспосланный самим Господом.

Это Божественное прикосновение.

Боль – это новая страсть.

Абсолютная страсть.

Мария Синенко – «Монстр»

Кира

Тело нашли за гаражами. Металлические «пеналы» кучковались позади домов, на пустыре. В детстве Кира с дворовыми друзьями прыгала с крыши одной коробки на другую, сейчас иногда встречалась там с Сережей.

Нечасто – он ходил за гаражи курить, обсуждать «четкие» дела со своей бандой, а это Кире не нравилось. Ни курение, ни пацаны.

Сейчас за гаражами лежал труп. Зевак не подпускали, но Кира, стоящая в отдалении с группой взволнованных соседей, видела ярко-красный пуховик, растерзанный, будто его драла стая собак, и худенькие ноги в темных от подтаявшего снега джинсах. Джинсы были спущены, сбившись мешком в районе коленей.

Молодая девчонка, ровесница Киры или чуть младше. Вокруг места преступления толпилась милиция. Кира узнала дядю Женю – добродушный помощник следователя жил в соседнем подъезде, здоровался приветливо. Сейчас он был сосредоточен и угрюм.

Стоящая рядом с Кирой баба Нюра, соседка с пятого этажа, вполголоса рассказывала приятельнице:

– Бедняжка. Уже третья за два месяца. Язык вырвали с корнем, представь. И изнасиловали.

Приятельница перекрестилась, округлив глаза.

Кире стало неудобно, она отошла от толпы, вытаскивая из кармана сенсорную Нокию – подарок родителей на шестнадцатый день рождения. Хотела позвонить Сереже, но в этот момент ее окликнули.

Кира обернулась и увидела Ваню. Приятель спешил, неосознанно поглядывая по сторонам, шапка съехала набок, приоткрыв одно лопухое ухо. Кира улыбнулась, но тут же посерьезнела. Оглядывался Ваня не просто так – Сережа и компания сильно его доставали. Кира пыталась препятствовать, но без особого успеха. В глазах пацанов Ваня был типичным лохом. Сережа, вняв просьбам Киры, немного умерил пыл, но его приятели веселились вовсю, порой перегибая палку. А заступаться за друга своей девушки Сережа не собирался – авторитет был важнее. Иногда Киру посещала шальная мысль, что дело не только в авторитете, но и в ревности.

Да и Ванька, чего греха таить, идеально подходил на роль жертвы. Кира дружила с ним с детства, ценила за ум, доброту и мягкость, но те же качества действовали на остальных, как красная тряпка на быка.

– Ни фига у нас тут творится! Как ты?

– Да я-то что. Девушку жалко, никому не пожелаешь.

– Еще бы. – Ваня пытался отдышаться, стянув шапку и уперевшись в колени. Глаза лихорадочно блестели. – А правда, что ее перед смертью... Ну, того самого?

– Я-то откуда знаю, – Кира слегка скривилась, – не хочется об этом думать, если честно.

– Да-а... У меня бабка с ума сошла, говорит, маньяк у нас, велит до темноты дома быть. Ага, щас. Мне-то что до маньяка, я ж мужик.

Кира подавила улыбку. Живущий с бабушкой Ваня, толстый, мосластый, одетый в свитера не по размеру, оставшиеся от покойного отца, не слишком тянул на мужика. «Но он же в этом не виноват».

– Меня Сережа провожает, так что... – Кира осеклась, заметив кислое выражение на лице друга. – Ладно, расскажи лучше: с этой штуки можно «вконтакте» сидеть? Или батарею будет жрать?

– Ого-о-о, – Ваня живо заинтересовался, – сенсорный? Со стилусом?

– Ну да. Твой зато неубиваемый. И в «змейке» ты лучше всех, – Кира толкнула друга локтем. – Пошли, поизучаем.

Монстр

Он был недоволен. То ли Он неверно рассчитал дозу успокоительного, то ли организм оказался сильным, но девка билась так, что язык, этот корень всех зол, никак не получалось ухватить.

В конце концов пришлось вырубить ее по старинке, ударом в голову. Девка обмякла и заткнулась, вытянувшись на бетонном полу.

Он приступил к делу. Пальцами в перчатках раскрыл безвольный рот. Зажал кончик вялого отростка пассатижами, потянул на себя, до упора. Нашупал валяющийся тут же, на полу, военный нож – подарок знакомого, ветерана Второй чеченской. На войне нож послужил тому на славу. Правда, дар был посмертным – после войны знакомый беспробудно пил, и в конце концов это его доконало. На поминках, в доме покойного, Он прихватил нож с собой, благо знал, где искать.

Теперь нож помогал делать болтливых шлюх безмолвными. Болтушки-шлюшки. Больше не испортят Ему жизнь, как та, первая. Жаль, что ощущения уже не те. Ту резать было слаще всего. А потом даже получилось трахнуть.

Он приставил остро заточенное лезвие к вытянутому языку девушки, вплотную к зубам. Одно движение – и кусок плоти повис в пассатижах. Жертва очнулась, дико мыча, давясь кровью. Забилась, как выброшенная на берег рыба. Стянутые пластиковыми стяжками руки бестолково дергались за спиной.

Он ухмыльнулся и принялся расстегивать брюки. Его штучка, «петушок», по терминологии матушки, не всегда исправно работала, и тогда он пускал в дело нож. Сперва – массивную рукоять, после – острие.

Матушка... С ней все было на мази, исправно. И если бы не болтливая дрянь, которая их застучала, матушка была бы жива, а он не провел бы несколько кошмарных лет в детском доме.

Серый

– И че, правда тридцать ножевых? Херасе.

– Правда, – Серый сплюнул, снова затынулся «Винстоном», исподлобья глядя на компанию. – У отца друган в ментуре работает, иногда бухает у нас по выходным. Они трепались, я услышал. Не все – отец увидит, что уши грею, – отмудохает. И дядь Женя поможет – ему ж нельзя рассказывать, тайна следствия типа. Но кое-что слышал. Тридцать ножевых, девка в мясо, и изнасиловали еще. Там тоже меси-во. Тихо, моя идет. Не надо ей такое.

Пацаны замолчали, хотя кое-кто и закатил глаза. Однако Серый парень крепкий, и про «тили-тили-тесто» при нем лучше было не шутить. Конечно, если хочешь остаться с зубами.

К гаражам со стороны девятиэтажек приближалась Кира. Хрупкая, стройная, с копной каштановых волос, она нравилась многим, и ее присутствие терпели с охотой. Подошла, чмокнула в щеку Серого и коротко кивнула остальным.

– Вы все о том же? Ваня говорит, это детдомовцы из новостройки. Говорит, как их поселили, так уровень преступности на районе зашкаливает.

– Лошпед твой Ваня, – Серый проигнорировал хмурый взгляд, – и псих. Дядь Женя про него тоже рассказывал. Они ж соседи. Говорит, по подвалам Ванька шарится, уже не раз ловили. И кошек бездомных мучает.

– Неправда! – Кира вспыхнула. – У него у самого котенок пропал, вот он его и искал.

– Ага, отмазки это. Дядь Женя знаешь что еще говорит? Лучше всего прятать на видном месте, чтоб никто не догадался. Может, он его сам замучал...

– Ну, все! – Кира скрестила руки на груди под громкий смех окружающих.

– Ладно, малыш, не дуйся, – Серый притянул к себе упирающуюся девушку, – пошли в парк лучше прошвырнемся. Бывайте, пацаны.

Под затихающий смех и вялые «пока-пока» парочка двинулась прочь от гаражей.

Кира

Через пару недель Кира и Сережа поссорились. Не на шутку, хотя началось глупо, как и всегда. Сначала все было мирно: гуляли в скверике, который жители района гордо именовали «парком», обходя алкоголиков и неформалов, кучкующихся на лавках. Нефоры вели себя хуже алкашей – парни и девчонки, независимо от пола накрасившие глаза, бесновались, чокаясь «Ягуаром» под вопли новомодной группы. Глаз, по сути, у всех был виден только один – второй скрывала огромная челка.

Сережа сначала ржал, а потом заявил, что вот туда-то Ване и дорога.

– Он же сохнет по тебе! И при этом сопляк. Прямо вижу

его на лавке, с этими вот, воющего про несчастную любовь!

Кира разозлилась. Пожалуй, впервые по-настоящему вышла из себя.

– Отстань уже от него! С чего ты взял вообще? Мы дружим сто лет, и если даже он за мной подглядывал в лагере, это не значит, что... – Кира осеклась, испуганно зажав ладонью рот.

Сережа остановился, замолчал и посмотрел на нее так, будто впервые видит.

– Что?

– Ничего, замяли, – Кира двинулась дальше, но Сережа с неожиданной силой схватил ее за предплечье и развернул.

– *Что* он делал? И *когда*?

Кира опешила. Он никогда так себя не вел, по крайней мере, с ней.

– Ты делаешь мне больно.

– Что он делал, я говорю?! – Сережа тряхнул ее за руку. Позже на предплечье расцветет синяк.

– Нам было двенадцать, мы ездили в лагерь на лето. Мы с девочками мылись в душевой, а когда вышли, наткнулись на Ваню. Он страшно извинялся, говорил, что ничего не видел. Но там щель была рядом с дверью, все это знали. Но он же не только на меня...

– Убью.

– Если ты что-то с ним сделаешь, между нами все конечно! – Кира расплакалась, вырвала руку и поспешила домой.

Угроза не подействовала. На следующий день компания подстерегла Ваню после школы. Отвели за гаражи. Били жестоко.

Кира пришла к другу домой, извинялась. Ваня смотрел волком, один глаз полностью заплыл, под вторым наливался фингал.

– Пошла ты, сука.

Кира отшатнулась, будто он ее ударил. Сбегая вниз по ступенькам, утирая слезы, услышала, как наверху Ваня разговаривает с кем-то, сердито и зло.

Теперь Кира третий день подряд возвращалась домой одна. Шла через сквер. Снег немного стаял, но мартовский вечер был промозглым и туманным. Мрак напознал исподволь, накрывал верхушки голых черных деревьев.

Давешнего маньяка задержали по горячим следам – мигрант, без определенного места жительства, хмурое лицо мелькало в новостях.

Но Кире все равно было беспокойно. И очень тоскливо. И она не имела ни малейшего представления, как мириться с ребятами. И нужно ли вообще мириться.

Сейчас она точно не отказалась бы от компании – впереди на лавке устроились парни, очевидно пьяные. Кира узнала в них детдомовцев, выходцев новостройки, в которой государство выделило жилье. Как назло, вспомнились слова Вани про «криминальную обстановку».

– Эй, красавица, выпить хошь?

Кира ускорила шаг. Через несколько метров обернулась – от компании отделилась высокая тень. Тень быстрыми шагами следовала за ней.

Кира побежала.

Монстр

Эта девка оказалась особенной. И как он раньше не заметил? Копия той, первой. Такое же телосложение, такие же волосы, губы.

Он хорошо помнил вечер, когда она без спроса явилась к ним домой. Матушка редко запирала входную дверь – у них часто гостили друзья, многие оставались ночевать. Приносили бутылки, и тогда матушка не злилась на Него, не била и не прижигала сигаретами. Наоборот, если в квартире никого не оставалось, могла приласкать, уложить к себе. Согреть. Сделать тепло и сладко.

В один из таких вечеров, когда они барахтались на продавленной тахте, в комнату вошла молодая дочка соседки. Дура слышала крики – раньше, в разгар веселья, один из маминых гостей сильно выкрутил ему ухо, и Он громко визжал.

Увидев происходящее, дура бросилась вон. На следующий день пришла служба опеки, и Его, двенадцатилетнего, забрали. Сначала в детдом, а потом на свободу, к нормальной жизни.

Только хорошо ему было до этого всего, с матушкой. Они

наслаждались друг другом, несмотря на гостей, несмотря на ожоги и порезы. Она научила его жизни, научила притворяться. А потом все рухнуло.

Матушку задушила сокамерница, и Он даже не знал, где ее похоронили.

Ту дуру-болтушку Он нашел, пусть на это потребовалось время. Нашел и выкорчевал ее поганый язык, чтобы она больше никому не навредила. А потом обнаружил, что ему мало. Он держался. Долго. Но любому терпению приходит конец. Тем более когда вокруг так много болтливых дур и шлюх.

С этой он поступит по-особенному.

Привязанная к верстаку, голая, в крови и собственных выделениях, она выглядела жалко и смешно. Он уже срезал кожу с ее голеней, полоску за полоской, наслаждаясь истошным мычанием из заткнутого рта. Секатором отрезал соски и по два пальца на каждой руке. Раны прижег, чтобы болтушка не истекла кровью раньше времени. Опробовал обе ее дырочки рукоятью ножа. Под верстак пришлось поставить алюминиевую миску – крови было слишком много. Не хотелось скользить в луже.

Язык Он вырежет в самом конце. Возможно, после этого Он даже остановится.

Серый

Кира пропала неделю назад, и Серый не находил себе ме-

ста.

Родители били тревогу. Отец Серого пытал дядю Женю, но тот только разводил руками. След терялся в сквере – Киру видела группа детдомовцев, но девушка убежала. Проверить их слова было легко – немногим позже к компании подошел наряд, и их забрали за распитие в неподобающем месте. Они еще сидели в обезьяннике, когда заплаканная мать пришла в отделение с фотографией дочери.

Гаражи перетряхнули вдоль и поперек, но ничего не нашли.

Непонятно было, что делать с избитым мигрантом, ранее признавшимся в убийствах.

Ваня всю неделю не ходил в школу. Промаявшись, в субботу Серый пошел к нему домой.

Дождался у подъезда, пока Ванина бабка уйдет по своим старушечьим делам. Поднялся на этаж, заколотил в облезлую дверь.

Ваня приоткрыл на ладонь, цепочки не было. Серый быстро вставил в щель кроссовок и процедил:

– Поговорим?

Ваня нахмурился, глаза забегали. «Отек спал, но фингалы еще не сошли», – отметил Серый не без удовлетворения. Наконец, вздохнув, Ваня распахнул дверь.

– Входи.

Развернулся и, ссутулившись, побрел на кухню. Серый прошел следом не разуваясь.

– Есть идеи, где искать Киру?

– Думаешь, знал бы не сказал бы? – Ваня пытался говорить с вызовом, но голос дал петуха. Пальцы бегали, перебирали что-то. Вдруг, будто очнувшись, парень резко убрал кулак в карман толстовки.

Серый заметил жест.

– А это что? А ну... – бесцеремонно сунул руку в Ванин карман и, несмотря на сопротивление, вытащил пластиковый стерженек.

– Я все объясню! – Ваня отскочил к стене, закрыв голову руками.

Серый, окаменев, смотрел на ладонь, на тонкий стилус. Медленно поднял глаза.

– Это не я! Я не знаю, где она! Я это под дверью нашел! У дядь Жени! Клянусь!

– Ты мудака, что ли? – Серый говорил тихо, чувствуя, как внутри закипает что-то страшное. – Ты нашел и молчишь? Ее по всему району ищут. У тебя сосед – мент.

– Вот именно! – Ваня внезапно разрыдался. – Ты не понимаешь? У него ж все схвачено. Он же убьет меня!

– Так. А теперь по порядку – и очень быстро.

Ваня упал на табуретку. Опустил голову – и зачастил.

– Да рассказывать нечего. После того как вы, – он обвел рукой вокруг головы, – она пришла извиняться. Поругались, я ее послал. Она убежала, и тут дядь Женя на лестничную клетку высунулся. Ну и давай спрашивать, кто меня так

отделал и что происходит ваще. Я и рассказал. А он... Сказал, что Кира – болтушка и что свое получит. И, вроде, ниче особенного, но таким голосом... Я ему в глаза взглянул, и мне страшно стало. Взгляд, как у мертвого. Я обосрался и домой свалил. А через дня три нашел у него под дверью это.

– И ты, – Серый чувствовал, что сейчас сорвется, – ты, сука, ничего никому не сказал?

– А что я скажу? И кому? Он в милиции работает, але! – Ваня вскинул голову, заплаканными глазами глядя в помертвевшее лицо Серого.

Серый уже не слушал. Бросился из квартиры, на ходу звоня отцу.

– Бать, беда! Ты в мастерской? Бросай все и беги к гаражу дядь Жени. Да, срочно. Какой у него, я забыл?

Серый успел первым. Остановился перед металлической коробкой. Навесного замка нет – видимо, внутри кто-то был. Серый вслушался в окружающую тишину, но, казалось, слышал только стук бешено колотящегося сердца. С неба падали снежные хлопья – зима не торопилась уступать свои права. Серый толкнул металлическую створку, уверенный, что она заперта. Ворота легко поддались. «Прячь на виду, чтобы никто не нашел», – вспомнилось вдруг.

Гараж был пуст. Ни машины, ни трупов. По углам хлам, развешанные на стенах инструменты – обычная картина. Верстака не было. Серому мерещился приглушенный шум, и он никак не мог определить направление. Будто из-под зем-

ли.

Серый осознал, что до сих пор сжимает в левой руке стилус от Кириноного телефона. Осмотрелся, выискивая что-то посущественнее. Стараясь ступать как можно тише, направился к висящим на стенде инструментам. Потянулся за молотком. Схватил неловко – тот выскользнул из дрожащих пальцев и с громким стуком упал. Наклоняясь, Серый осознал, что вокруг тишина – звук пропал.

И в этот момент в полу, в дальнем конце гаража, распахнулся люк. Оттуда, как чертик из коробочки, карабкалось нечто. Узнать добродушного соседа удавалось с трудом.

Окровавленный, голый по пояс. На предплечьях, груди и животе – белые полосы шрамов. С левой стороны, над сердцем, россыпь круглых сигаретных ожогов. Бешеный оскал и абсолютно, беспросветно безумные глаза. В правой руке нож – огромный, Серый таких никогда не видел.

Серый поднял молоток, перехватил поудобнее и застыл. Времени на размышления не оставалось. Безумец в два прыжка преодолел разделяющее их расстояние. Серый увернулся, благо тело, закаленное в драках, реагировало на автомате. До конца не удалось – вместо груди нож вошел в плечо. Дикая боль отдалась во всем теле. Рука онемела, молоток выпал из бесполезных пальцев.

Сила удара впечатала противников в стену, тонкий металл загудел, казалось, гараж сейчас сложится, как карточный домик. Прямо перед собой Серый видел дикие глаза и оска-

ленный рот – испугался, что безумец сейчас вцепится ему в глотку, разорвет, как бешеный пес. Серый попытался оттолкнуть дядю Женю от себя, но куда там. Правая рука не слушалась, силы были неравны. Безумец выдернул нож из плеча Серого – новая вспышка боли – и немного отодвинулся, занося руку для следующего удара.

Инстинктивно, не осознавая до конца, что он собирается делать, Серый перехватил пальцами левой руки стилус, который так и не выпустил, и воткнул пластиковый стержень в расширенный зрачок сумасшедшего.

Дядя Женя издал тонкий свист, напомнивший о закипевшем чайнике. Выронил нож, схватился за лицо.

В этот момент в гараж ввалились трое – отец Серого прихватил с собой двух знакомых.

Серый, как во сне, игнорируя изумленный мат, нетвердыми шагами проковылял к люку, из которого лился приглушенный свет. Вниз вели ступеньки. Пошатываясь, Серый спустился. Крошечное помещение: бетонный пол, на стенах – толстый слой изоляции. Пусто, не считая верстака, установленного под лампочкой. Повсюду кровь.

На верстаке раскинулось голое тело. Изуродованная грудь, свежие и слегка зажившие порезы. Гноящееся мясо вместо голеней. Нетронута только лицо – бескровное, казалось, постаревшее на много лет, но все равно знакомое. Серый приблизился, склонился...

Кира дышала.

Антон Александров – «Ритуал»

От редакции: мы продолжаем серию статей в серии «Четкая пошаговая инструкция». В ней мы знакомим наших читателей с молодыми людьми, которые достигли определенного успеха в своей профессии и готовы поделиться своим опытом. И сегодня с нами Виктор С.: менеджер, маркетолог, работник одной из крупнейших в нашей стране компаний по оптовым продажам сладких новогодних подарков.

Итак, для начала о себе: мне тридцать пять лет, разведен, двое детей-школьников. Я возглавляю один из отделов продаж в одной из ведущих компаний, производящих и реализующих сладкие новогодние подарки. Также я возглавляю отдел логистики нашей организации, отвечаю за доставку товара до клиентов. Сейчас в планах компании – рост и масштабирование, открытие филиала в Сибири, и возглавить его должен буду именно я. Уверен, что мне есть что рассказать читателям и чем поделиться: в профессии я уже тринадцать лет, уже сейчас в моем подчинении два человека. Но довольно прелюдий, перейдем к главному вопросу: как вам открыть свой бизнес в сфере кондитерки и подарков.

Для начала определитесь: планируете вы торговать оптом или в розницу? На первый взгляд, открыть розничную торговую точку проще – но это лишь на первый взгляд. Места

с большой проходимостью или уже заняты, или очень дороги. Например, аренда всего одного островка в крупном ТЦ обойдется вам в месяц в те же деньги, что аренда целого склада на окраине города примерно на полгода. Конечно, в разных городах ситуация разная, но в целом это так. Поэтому я рекомендую сразу открывать предприятие, ориентированное на средний и крупный опт. Завод, на котором работает всего пятьсот человек, закупает на Новый год двести-триста подарков. И в потенциале каждый оптовый клиент становится постоянным. Удержать в постоянных клиентах частных покупателей гораздо сложнее – за год они о вас просто забывают. В каждом крупном городе подобных заводов – несколько десятков. А также есть больницы, детские сады, да и просто тысячи более мелких фирм.

На первых порах для работы вам даже офис отдельный открывать не надо – дела можно вести, отгородившись от фасовочного цеха, стенкой из фанеры со звукоизоляцией.

Вот то, что вам действительно необходимо: просторный отапливаемый склад, несколько компьютеров, столов и стульев, принтер, шкаф для бумаг, несколько больших полок для образцов, столы для фасовки (лучше брать пластиковые разборные), две-три рохли для перевозки поддонов, сами поддоны (штук пятьдесят, не мелочитесь), канцелярка. Все это нужно иметь к началу фасовки – к октябрю. Остальное докупите по мере необходимости. Также обязательно из-

готовьте фирменный скотч.

Еще до открытия вашей фирмы необходимо составить бизнес-план, в котором нужно постараться учесть все затраты и посчитать, покроет ли их ваш минимальный предполагаемый доход. Об этом твердят абсолютно все спикеры, и я тоже это повторю. Но я также скажу вам то, о чем по-настоящему успешные бизнесмены обычно помалкивают. Я расскажу вам про Ритуал.

Судите сами – тысячи фирм открываются ежедневно, и большинство из них закрывается в первый же год, а то и раньше. Либо влачит жалкое существование – директор фирмы сам в ней и за кассира, и за менеджера, и за бухгалтера, и за уборщицу. Да, для кого-то и такой вариант вполне приемлем – и этим людям, конечно, никакие Ритуалы не нужны. Но правда в том, что если вы хотите построить по-настоящему успешный проект, который будет обеспечивать достойными деньгами вас и вашу семью, – будьте готовы к Ритуалу.

Ритуал – это тот секретный ингредиент, который сделает пресное блюдо вашего малого бизнеса кулинарным шедевром.

В каждой сфере Ритуал свой, я буду рассказывать про тот, который проводят руководители всех мало-мальски крупных фирм, торгующих новогодними подарками. Бывать на других Ритуалах мне, разумеется, не приходилось. Да и не очень-то хотелось. Ритуал – это не пикник.

Фирмы, торгующие новогодними подарками, относятся к малому бизнесу – поэтому Ритуал у нас небольшой, можно сказать, камерный. Но из-за ярко выраженной сезонности нашей деятельности мы вынуждены проводить его ежегодно. Я слышал, что в большинстве прочих сфер достаточно проводить Ритуал раз в три-четыре года.

Итак, Ритуал проводится первого сентября. Дата выбрана не случайно – это и неофициальное начало горячего сезона, и именно первого сентября отмечался Новый год в России до Петра Первого. Кроме того, первое сентября – важная дата в жизни основных потребителей нашей продукции – детей.

Итак, первого сентября в центре нашего склада мы устанавливаем большую искусственную елку. Украшаем мы ее мягкими игрушками – символами прошлого Нового года, которые не продали за прошлый сезон. Наша фирма успешная, поэтому таких игрушек всего ничего. На нескольких фановочных столах у стены склада стоят пластиковые стаканчики, бутылки с шампанским, коньяком и колой и две вазочки – в одной несколько пакетиков с кокаином, в другой – горсть синих таблеток Виагры. Все довольно аскетично – мы собрались сюда не на корпоратив, а на Ритуал. Корпоратив мы все устроим тридцатого декабря, если сезон пройдет удачно и если после него останутся силы.

Ритуал – это представление, которое разыгрывается не для участников, а для духов, древних духов конкуренции, которых необходимо задобрить, чтобы в борьбе с другими

фирмами на рынке именно нам сопутствовал успех.

Возле елки в люльке лежит пухлый крепенький малыш – трехмесячный сын директора. Рядом с ним привязана нашим фирменным скотчем к стулу обнаженная девочка-подросток из подшефного интерната, которому мы помогаем подарками и конфетами на Новый год, Рождество и другие праздники. После Нового года всегда остается какой-то остаток нераспроданных конфет и упаковки – вот именно их мы и жертвуем детскому дому. За это государство нам немного уменьшает налог на доход, а благодарная директриса отдает нам мальчика или девочку, которых принесут в жертву на ежегодном Ритуале. Так что благотворительность это хорошо.

Я слышал про случаи, когда некоторые благотворители взамен на помощь получали возможность трахать детдомовцев. По-моему, это отвратительно и все такие случаи должны предельно жестоко наказываться правительством. Один мальчик или девочка в год – это символ и необходимость, а еженедельно насиловать детей – это извращение и преступление.

Но к детям мы вернемся позже.

Сперва необходимо провести обряд инициации молодых менеджеров. Они, голые и напуганные, стоят в углу на коленях. В этом году их трое – Витя, Машка и старший директорский сын Петя. Пете только исполнилось восемнадцать, он от первой директорской жены. Говорят, она не выдержала

Ритуалов и директор посадил ее в психушку, где она и умерла. Последние десять лет директор женат на Юлии Дмитриевне – сейчас ей уже сорок и ежегодные Ритуалы и связанные с ними процессы ее несколько поистрепали, но десять лет назад она была очень хороша. Самому директору уже под пятьдесят, но он все еще крепкий и здоровый мужик, мог бы даже считаться красивым, если бы не шрам через всю щеку – говорят, его пытали по молодости в девяностые, когда он был в бригаде у какого-то авторитета.

Сейчас мы ждем, когда они с Юлией Дмитриевной появятся, и Ритуал можно будет начинать. Быстрее бы, я не люблю затягивать. Пока же стоим у столов с бухлом и прочим: я, еще один старший менеджер Жека, трое младших менеджеров – шлюховатая пышка Вика, Света-недотрога и Сергей (серый и унылый), а также наша бухгалтерша, Зинаида Павловна. Жека посмеивается над новичками, Зинаида Павловна уже успела выпить пару рюмок и оголить свою огромную обвисшую грудь, а я старательно отвожу глаза от детей в центре комнаты. До конца так и не могу привыкнуть – знаю, что необходимо, но все равно всегда муторно. Вика, Сергей и Света опрокидывают в себя по паре рюмок коньяка. Я разнюхиваю с Жекой по дорожке кокса и запиваю шампанским. Немного расслабляюсь и настраиваюсь на позитивный лад. Позитивный настрой – вообще вещь необходимая.

Наконец и директор с директрисой появляются. Они одеты в легкие тоги, какие носили в древнем Риме. Директор-

ский взгляд, как обычно, суров и непреклонен, а глаза Юлии Дмитриевны блестят – то ли от слез, то ли тоже уже успела чем-то закинуться. Пока все смотрят на директоров, я скидываю в себя две таблетки Виагры.

Едва увидев вошедших директоров, Зинаида Павловна скидывает с себя оставшуюся одежду и бесстыдно поводит своими огромными бедрами с волосатой трындой.

Директор с женой сперва подходят к нам, здороваются по очереди со всеми за руку.

– Ну, Витя, Жека, все готово?

– Да, все в порядке, как обычно, – отвечаю я.

– Хорошо. А чего тогда в одежде еще? Раньше начнем – раньше кончим, так сказать.

Мы скидываем с себя брюки и рубашки. Прохладно и неудобно, и мы все выпиваем быстренько по стаканчику коньяка, чтобы согреться.

– Эй, молодой, дуй в подсобку за инструментами, начнем потихоньку, – командует директор Сергею.

Директор, немного смущаясь, выпивает рюмку коньяка и закусывает таблеткой Виагры. Мы с Жекой делаем вид, что не обращаем на это внимания. Я смотрю на раздевшихся Свету и Вику и мой член начинает немного напрягаться. На прошлом новогоднем корпоративе мы с Жекой оттрахали Вику в два ствола, а вот более красивая Света никому так и не дала. Но она замужем, так что мы и не особо пытались.

Директор и Юлия Дмитриевна тоже скидывают тоги и, на-

конец, направляются к новичкам. Ритуал начинается.

Толстый короткий член директора бодро топорщится из гнезда лобковых волос, как птенец-кукушонок, а вот Юлия Дмитриевна гладко побрилась. В древней Спарте был обычай – опытные воины-ветераны обязательно спали с новобранцами, передавая им таким образом часть своей силы. Ритуал всегда начинается с этого же – директор трахает новеньких, принимая их таким образом в нашу дружную семью.

Глядя на напряженных и испуганных новичков, я вспоминаю себя самого на их месте. К сожалению, каждый, кто хочет достичь успеха в бизнесе, должен понимать – тебя непременно отымеют, и хорошо, если всего один раз и во время Ритуала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.